САНЪ.

165
908

ПРИЧИНЫ и ЦѢЛИ

Европейской войны.

Цѣна 60 коп.

Цѣны повышены
издательством
на 100%

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Т-ва Потр. О-въ Юга Россіи, Нетеченская наб., № 14.
1918.

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ.

Поступили въ продажу слѣдующія изданія Т-ва:

1. Я. Р. и А. Д. Систематическій указатель литературы по кооперації. Ц. 2 р.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе. Введеніе.

I. **Теорія кооперації.** 1. Что такое кооперація? (опредѣленія кооперації). 2. Классификація кооперативовъ. 3. Классовая природа кооперації. 4. Кооперація и ея отношеніе къ профессіональному движенію. 5. Кооперація и ея отношеніе къ политическимъ партіямъ. 6. Кооперація и соціализмъ.

II. **Формы кооперації.** 1. Потребительныя Общества. 2. Кредитныя Товарищества. 3. Сельско-хозяйственная кооперація.

III. **Кооперація въ разныхъ странахъ.**

КООПЕРАЦІЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

1. Австро-Венгрія. 2. Англія. 3. Бельгія. 4. Голландія. 5. Германія. 6. Данія. 7. Италія. 8. Испанія. 9. Кооперація среди славянъ. 10. Норвегія. 11. Португалія. 12. Соединенные Штаты Сѣв. Америки. 13. Финляндія. 14. Франція. 15. Швейцарія. 16. Швеція.

РОССІЯ.

1. Потребительная кооперація. 2. Кредитная кооперація. 3. Земельная кооперація. 4. Сельско-хозяйственныя О-ва. 5. Кооперативы по сбыту. 6. Маслодѣльныя артели и молочные кооперативы. 7. Производительные кооперативы. 8. Жилищная кооперація. 9. Рабочая кооперація. 10. Союзное строительство потребительной кооперації. 11. Союзное строительство кредитной кооперації. 12. Московскій Народный Банкъ. 13. Сельскохозяйствен. союзы.

IV. **Вопросы кооперації.** 1. Культурно-просвѣтительная дѣятельность кооперативовъ. 2. Курсы по кооперації. 3. Рабочій вопросъ въ кооперації. 4. Статистическое изученіе кооперації. 5. О взаимоотношеніи кооперативовъ. 6. Кооперація и земство. 7. Земскія Кассы Мелкаго Кредита. 8. Кооперація и городское самоуправленіе. 9. Кооперація и государство. 10. Фальсификація продуктовъ и кооперація. 11. Кооперативное производство. 12. Дороговизна, продовольств. кризисъ и кооперація. 13. Организаціонные вопросы кооперації. 14. Счетоводство въ потребит. о-вахъ. 15. Международный Кооперативный Союзъ. 16. Библіографія.

Ав 5 908
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
833527

Причины и цѣли европейской войны.

I.

Кто виноватъ? Кто бросилъ первую искру въ горючій матеріалъ и вызвалъ міровой пожаръ? Эти вопросы ставились въ началѣ и во время войны. Ставятъ ихъ и теперь не только правительства, но и соціалисты. Какъ извѣстно, разногласія по этимъ вопросамъ были одной изъ причинъ неудачи Стокгольмской конференціи. Французскіе и англійскіе соціалисты говорили, что въ первую очередь на международномъ совѣщаніи въ Стокгольмѣ надо обсудить вопросъ объ отвѣтственности. Русскіе товарищи не соглашались съ этимъ. На конференціи соціалистовъ союзныхъ странъ выяснилось, что они не могли остановиться на одномъ рѣшеніи. Тотъ же самый вопросъ о виновникахъ войны обсуждался на конгрессѣ французскихъ соціалистовъ, который состоялся въ началѣ октября 1917 г. Большинство ихъ не сомнѣвается въ виновности Германіи. Несомнѣнно, этотъ вопросъ не сойдетъ съ очереди и послѣ войны. Онъ будетъ мѣшать возобновленію и укрѣпленію международныхъ связей. Несомнѣнно, борьба за всеобщій миръ не можетъ успѣшно развиваться, пока этотъ вопросъ остается открытымъ.

Дѣло въ томъ, что Германія вовсе не считаетъ себя виновной. И германскіе соціалисты, въ частности, искренно заявляютъ, что ихъ отечество вынуждено вести оборонительную войну. То же самое говорятъ и противники Германіи.

Обѣ стороны имѣютъ одинаковое основаніе обвинять другъ друга. Всѣ правительства виноваты, поскольку они вели и ведутъ завоевательную политику. Они ведутъ эту политику не со вчерашняго дня. Съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, послѣ франко-прусской войны, Европа превратилась въ очагъ милитаризма. Всѣ державы готовились и къ оборонѣ и къ нападенію. Всѣ шли подъ флагомъ имперіализма.

Имперіализмъ имѣетъ двѣ стороны: экономическую и политическую. Капиталистическая страна ищетъ внѣшнихъ рынковъ, а потомъ старается присоединить ихъ къ себѣ. Капитализму нужны внѣшніе рынки, потому что онъ не помѣщается въ національныхъ рамкахъ. Все болѣе растущая производительность труда создаетъ

излишекъ товаровъ, которые не находятъ сбыта внутри. И чтобы не было кризиса, остановки въ производствѣ, капиталисты посылаютъ избытокъ своихъ товаровъ туда, гдѣ нѣтъ обрабатывающей промышленности. Туда же они переносятъ свободныя деньги, чтобы строить тамъ фабрики, заводы, желѣзныя дороги, новыя предпріятія, чтобы использовать естественныя богатства, эксплуатировать мало культурное туземное населеніе и увеличивать свои прибыли. Эта экономическая эксплуатація отсталыхъ странъ значительно облегчается политическимъ господствомъ надъ ними. Имперіалисты ставятъ поэтому насущной задачей объявлять тамъ свой протекторатъ.

Капиталисты Англіи, Франціи, Германіи старались обогнать другъ друга въ этомъ направленіи. Ихъ жадные взоры были обращены на свободныя земли, на Азію, Африку, на Ближній и Дальній Востокъ. Они спѣшили присоединить къ своей имперіи отдѣльныя части этихъ земель, или стать тамъ твердой ногой, расширить сферу своего вліянія для того, чтобы не имѣть конкурентовъ.

Раньше всѣхъ вступила на этотъ путь Англія. Ея промышленность развивалась въ теченіе 17 и 18 столѣтій быстро и сильно. Географическое положеніе благопріятствовало ей. Окруженная со всѣхъ сторонъ водой, она была недоступна для нападеній извнѣ. И поэтому она могла успѣшно развивать свою торговлю съ отдаленными углами земного шара. Послѣ продолжительныхъ и успѣшныхъ войнъ, она устранила съ своей дороги Испанію, Францію, Голландію и стала полновластной владычицей морей.

Мы не будемъ разсказывать здѣсь исторію всѣхъ завоеваній, которыми обогащалась Англія изъ года въ годъ. Но въ этой исторіи мы нашли бы все то, въ чемъ теперь обвиняютъ Германію: и нарушеніе международныхъ договоровъ, и варварскіе способы веденія войны, и безпощадное попираніе правъ маленькихъ народовъ. О безчеловѣчности, о неслыханной жестокости англійскихъ завоевателей не мало писалось въ нашей либеральной печати 70 и 80-хъ годовъ. Это не мѣшаетъ теперь ей говорить о высшемъ благородствѣ Англіи.

До конца прошлаго столѣтія Англія была сильнѣе всѣхъ европейскихъ странъ. Но съ 80-хъ годовъ стала вырастать Германія. Она объединилась и усилилась въ экономическомъ отношеніи послѣ войнъ съ Даніей, съ Австріей и, наконецъ, съ Франціей. Всѣ таможенныя преграды внутри страны были уничтожены послѣ политическаго объединенія. Капиталистическое развитіе уже не задерживалось ничѣмъ. Сильно развивалась, между прочимъ, металлургическая

промышленность. А застрѣльщиками имперіалистской политики являются, главнымъ образомъ, короли этой промышленности.

Въ 1860 г. Германія занимала четвертое мѣсто въ металлургической промышленности; это видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Производство Англіи составляло	3.500,000	тоннъ
„ Франціи „	1.000,000	„
„ Соед. Штатовъ	800.000	„
„ Германіи	700.000	„
„ Бельгіи	300.000	„
„ Австро-Венгріи	250.000	„
„ Россіи	250.000	„

Въ 1870 г. Германія заняла третье мѣсто. Тогда производство Англіи составляло . . . . . 6.050,000 тоннъ.

Соед. Штатовъ „	1.700,000	„
Германіи „	1.400,000	„
Франціи „	1.200,000	„
Бельгіи „	630,000	„
Австро-Венгріи „	350,000	„
Россіи „	300,000	„

Черезъ десять лѣтъ Германія все еще стояла на третьемъ мѣстѣ но она удвоила свое производство. Было 1.400,000 тоннъ, а стало 2.800,000 тоннъ. Но въ 1910 г. Германія уже опередила Англію.

Соед. Штаты теперь производили . . .	27.700,000	тоннъ
Германія „ „ . . .	14.800,000	„
Англія „ „ . . .	10.200,000	„
Франція „ „ . . .	4.000.000	„
Россія „ „ . . .	3,000,000	„
Австро-Венгрія „ „ . . .	2.100,000	„
Бельгія „ „ . . .	1.800,000	„ *)

Развитіе этой промышленности не останавливалось въ Германіи и въ слѣдующіе годы. И она, главнымъ образомъ, толкала Германію на исканія внѣшнихъ рынковъ. Германія вышла на международную арену, когда міровой рынокъ и всѣ пути къ нему почти уже были заняты. Въ борьбѣ за колоніи она не могла не сталкиваться съ тѣми, которые считали себя хозяевами этихъ колоній.

Сначала Англія спокойно смотрѣла на усиленіе Германіи. Она даже радовалась этому усиленію. Это былъ періодъ англо-германской дружбы. Между ними были, какъ выражались проницательные поли-

*) C. Ferero—La Guerre Europeenne, 132—135.

тики обѣихъ странъ, самыя теплыя отношенія. Англійская газета „Daily News“ писала о Германіи:—„Нѣтъ ни одного пункта, гдѣ Германія или Англія могутъ столкнуться. Наоборотъ, раса, языкъ, характеръ, религія-все это создаетъ самыя сердечныя отношенія между ними“. Это писалось въ 1870 г., въ тотъ моментъ когда происходила франко-прусская война.

Буржуазная газета, конечно, ошибалась или дѣлала видъ, что ошибается. Отношенія между людьми и между отдѣльными странами опредѣляются не расой, не языкомъ и не религіей, а экономическими интересами. И только эти интересы побуждали тогда Англію поддерживать дружбу съ Германіей. Она привѣтствовала въ 70-хъ годахъ пораженіе Франціи и побѣду Германіи!—„Сильная Германія,-писала та же англійская газета,—будетъ нашей союзницей противъ Россіи и Франціи“.

Только Франція и Россія смущали въ то время Англію, и только этимъ можно объяснить ея „сердечное“ отношеніе къ Германіи. Франція казалась опасной соперницей въ центрѣ Европы, а Россія безпокоила ее на востокѣ. На почвѣ этого соперничества возникла англо-германская дружба и продолжалась нѣсколько лѣтъ. Англія имѣла основаніе любить Германію, когда она не мѣшала еще ей своими колоніальными исканіями, когда она не вмѣшивалась ни въ азіатскія ни въ африканскія дѣла Англіи. Бисмаркъ, германскій канцлеръ и руководитель иностранной политики, былъ сначала противникомъ колоніальныхъ пріобрѣтеній. Когда въ 70-хъ г. г. къ нему обращались купцы, предприниматели, авантюристы за поддержкой, онъ отвѣчалъ имъ:-„Заниматься колоніальной политикой, это значило бы наряжаться въ шелка и бархатъ, имѣя подъ ними рубище“. Мысль Бисмарка сводилась къ тому, что Германія была слаба въ экономическомъ отношеніи, и съ этой стороны она не нуждалась въ рынкахъ для сбыта свободныхъ денегъ и товаровъ. Неудивительно поэтому, что Бисмаркъ избѣгалъ столкновенія съ Англіей. Онъ отказался отъ протектората надъ Занзибаромъ въ 1874 г. и надъ Борнео и Трансваалемъ въ 1876 г. Англія хозяйничала свободно, расширяла свои владѣнія, захватывала цѣлые острова и громадныя части нетронутыхъ „культурой“ материковъ.

Англія и Германія были друзьями на разстояніи. Чувствовалось все таки, что такъ вѣчно продолжаться не можетъ. Смутное ожиданіе войны отражалось и въ литературѣ. Въ 1871 г. въ Англіи появился разсказъ „Битва при Доркингѣ“. Авторъ разсказываетъ, что „совершенно неподготовленная Англія была захвачена врасплохъ. Черезъ

двѣ недѣли непріятель хотѣлъ потопить флотъ. Армія двинулась въ Лондонъ". Авторъ, какъ видно изъ разсказа, имѣлъ въ виду нѣмцевъ. Онъ своимъ художественнымъ перомъ преслѣдовалъ политическую цѣль:—„Въ концѣ концовъ—писалъ онъ—наиболѣе горькая часть нашихъ размышленій состоитъ въ томъ, что власть изъ рукъ класса, привыкшаго къ управленію страной, переходитъ въ руки низшихъ классовъ, необразованныхъ, неподготовленныхъ къ должному использованію политическихъ правъ. Подъ видомъ защиты свободы они поддерживали нападки на тѣхъ, кто предлагалъ установить обязательную воинскую повинность для защиты страны."

Это не единственный и не исключительный примѣръ. Такія художественныя произведенія появлялись довольно часто. Авторы ихъ поддерживали ту политическую партію, которая стояла за усиленіе боевой мощи Англіи, а главное, за введеніе обязательной военной службы.

Но эти военныя ожиданія и приготовленія не проявлялись во внѣшнихъ отношеніяхъ. Дружба казалась незыблемой. Даже когда оформился франко-русскій союзъ съ одной стороны и намѣтился тройственный союзъ (Германія, Австрія и Италія) съ другой, то Англія тяготѣла къ этому послѣднему союзу. И въ Лондонѣ и въ Берлинѣ много говорили тогда о тѣсномъ сближеніи. Преемникъ Бисмарка, Каприви уступилъ Англіи всѣ маленькія владѣнія въ южной Африкѣ, которыя были пріобрѣтены нѣмецкими предпринимателями при Бисмаркѣ и были объявлены подъ покровительствомъ Германской Имперіи. Англія, въ свою очередь, уступила Германіи островъ Гельголандъ. Англійскіе политики не предвидѣли, что впослѣдствіи Германія можетъ использовать этотъ „подарокъ" въ военномъ отношеніи противъ Англіи.

Какъ мы уже говорили выше, англо-германская дружба объяснялась соперничествомъ Франціи и Россіи. Послѣ франко-прусской войны Франція устремила свои взоры на Востокъ. На Востокѣ она хотѣла возстановить свое расшатанное могущество и свой военный престижъ. Англія не могла спокойно относиться къ этимъ стремленіямъ своего сосѣда, потому что на Востокѣ она имѣла богатѣйшія колоніи. Она поддерживала Германію въ войнѣ съ Франціей. При ея политическомъ содѣйствіи Франція потеряла свой удѣльный вѣсъ въ Европѣ и перенесла свою политику на Востокъ. Англія хотѣла ослабить соперничество Франціи, и вышло такъ, что она невольно усилила это соперничество. Привѣтствуя разгромъ Франціи, Англія не предвидѣла, что этотъ разгромъ подготовитъ почву

для франко-русскаго союза, о которомъ начали говорить вскорѣ послѣ 1871 г., и который оформился въ 90 годахъ. Франко-русскій союзъ не могъ радовать Англію, ибо республика и царская монархія рѣшили дѣйствовать рука объ руку на Востокѣ. Ясно, что это грозило восточнымъ интересамъ Англіи. И Англія стала энергично вести „оборонительную“ войну.

Чтобы помѣшать своимъ соперницамъ, чтобы защитить отъ нихъ свои колоніи, Англія нападала на тѣ или иныя области на путяхъ къ Индіи. Иногда съ оружіемъ въ рукахъ, а иногда просто съ помощью дипломатическихъ ловкостей ей удавалось утверждать свое господство въ этихъ областяхъ. Она заявляла о нераздѣльности и независимости, а фактически осуществляла протекторатъ. Такъ было, напримѣръ, съ Египтомъ, который былъ захваченъ Англіей въ 1882 г., и хотя еще въ 1883 г. Гладстонъ увѣрялъ, что Египетъ будетъ очищенъ, но прошло 22 года, и англійскіе политики дѣйствительно успѣли „очистить“ его отъ всякихъ притязаній со стороны другихъ державъ. Россію Англія пыталась задержать черезъ Афганистанъ, Персію и Дарданеллы. „Спасая“ Турцію отъ Россіи, она спасала свои восточныя владѣнія отъ своего восточнаго сосѣда.

II.

Пока Англія чувствовала себя въ положеніи мірового хозяина, она не вмѣшивалась въ европейскія дѣла. Изъ этого „блестящеизолированнаго положенія“ она вышла съ конца прошлаго столѣтія, когда европейскія государства, главнымъ образомъ, стали вести современную имперіалистскую политику. Съ тѣхъ поръ они смотрѣли другъ на друга съ напряженнымъ вниманіемъ. Тренія между ними постепенно усиливались, и въ процессѣ треній появлялись искры, изъ которыхъ ежеминутно могло возгорѣться пламя. Англія очень волновалась, когда какое либо государство, даже дружественно къ ней расположенное, *безъ ея согласія* расширяло свои владѣнія. Она привыкла къ хозяйскому положенію настолько, что ей казалось страннымъ, когда у нея „не спрашивали разрѣшенія“ на занятіе тѣхъ или иныхъ областей. Англійскій министръ, лордъ Гранвиль заявилъ германскому правительству относительно колоніальныхъ владѣній въ Африкѣ:—„Хотя ни въ одномъ пунктѣ тамъ не провоз-

глашено англійское господство, но объявленіе протектората какой нибудь другой страной и расширеніе своего вліянія какимъ либо другимъ государствомъ будетъ разсматриваться Англіей, какъ враждебный актъ". Но Англія была слишкомъ занята своими колоніальными дѣлами. Не легко и не дешево обходилось ей господство въ своихъ владѣніяхъ. Надо было поддерживать тамъ порядокъ, усмирять недовольныхъ туземцевъ, жаждущихъ независимости, поддерживать свое военное могущество и свой престижъ. Понятно, что она не могла одновременно работать во всѣхъ углахъ земного шара, и, когда ея сосѣди „безъ ея согласія" захватывали всѣ не захваченныя части близкой и дальней Азіи, Африки, Англія поневолѣ давала свое „согласіе", чтобы удовлетворить ихъ и отвести отъ своей дороги.

Въ своихъ интересахъ Англія оказала поддержку Германіи на полученіе концессіи на Багдадскую желѣзную дорогу. Она разсчитывала, что Германія проведетъ эту дорогу по сѣверному направленію и будетъ препятствовать нападеніямъ Россіи на Турцію. А цѣлость и неприкосновенность Турціи отъ русской опасности Англія охраняла, какъ мы сказали, исключительно потому, что не хотѣла допустить, чтобы Россія, утвердивъ „сферу своего вліянія" въ Турціи, проложила путь въ Индію.

Однако Германія не оправдала англійскихъ надеждъ. Ссориться съ Россіей она не хотѣла вовсе. Она тогда имѣла всѣ основанія дорожить дружбой великаго и близкаго сосѣда. Поэтому Германія легко уступила Россіи и отказалась провести Багдадскую желѣзную дорогу сначала въ сѣверномъ направленіи, потомъ въ центральномъ и начала проводить ее въ южномъ направленіи. Это наносило ущербъ англо-французскимъ интересамъ. Англо-германская дружба. такимъ образомъ, подготовляла почву для англо-французской дружбы. Но въ то время Англія и Франція не могли еще думать о закрѣпленіи своей дружбы, потому что у нихъ возникали недоразумѣнія въ цѣломъ рядѣ колоніальныхъ владѣній. И пока они улаживали эти недоразумѣнія на африканскомъ континентѣ, Германія осуществляла свои планы въ Малой Азіи. Такъ имперіалисты всѣхъ странъ, враждуя другъ съ другомъ, невольно поддерживали другъ друга.

Германія по особому договору имѣла исключительное право на эксплуатацію территоріи по обѣимъ сторонамъ Багдадской дороги. Она въ любой моментъ могла наложить руку на всѣ тѣ области, черезъ которыя проходила эта дорога. Франція, которая, какъ мы уже говорили, выступила на путь активной колоніальной политики, не могла спокойно относиться къ этому. Этимъ и объясня-

ется заявленіе, сдѣланное во французской палатѣ депутатовъ министромъ Пишономъ:-„ Съ точки зрѣнія нашихъ великихъ національныхъ интересовъ на Средиземномъ морѣ я не знаю ничего болѣе важнаго для насъ, какъ сохраненіе нераздѣльности Оттоманской имперіи... Мы желаемъ, чтобы въ областяхъ Малой Азіи (около Багдадской жел. дороги) Турція сохранила все свое могущество и всѣ свои территоріи". Тотъ же министръ впослѣдствіи подтвердилъ свое заявленіе.-„Франція,-увѣрялъ онъ въ палатѣ депутатовъ,-всѣми силами будетъ отстаивать территоріальную неприкосновенность Турціи, будетъ щадить *несчастную* страну и содѣйствовать ея экономическому возрожденію".

Вскорѣ послѣ этихъ клятвенныхъ обѣщаній началась міровая война. Потомъ ужъ ни одинъ французскій министръ не сказалъ бы, что національные интересы Франціи требуютъ сохраненія цѣлости и неприкосновенности Турціи. Подъ національными интересами подразумѣвались интересы верхнихъ слоевъ буржуазіи.

Буржуазія не могла быть носительницей національныхъ идеаловъ съ тѣхъ поръ, какъ она стала на путь завоевательной политики. Во время освободительныхъ войнъ можно было говорить объ этихъ идеалахъ. Когда объединялась Германія, когда Италія боролась за свое единство въ предѣлахъ своей территоріи, тогда дѣйствительно выдвигались интересы націи, какъ цѣлаго организма. Этой цѣлости требовало капиталистическое развитіе. Уничтоженіе внутреннихъ границъ, таможенныхъ перегородокъ всегда являлось необходимымъ условіемъ свободнаго развитія производства и обмѣна

Но послѣ того, какъ объединеніе совершилось, буржуазія начала заботиться о расширеніи территоріи своей страны. Она старалась распространять свое вліяніе за предѣлы своего отечества. Буржуазія вліяла на правительственную власть въ томъ смыслѣ, чтобы склонять ее на присоединеніе къ „родинѣ" новыхъ земель, нужныхъ ей для выгоднаго сбыта товаровъ. Эти товары и являлись носителями „національныхъ" идеаловъ буржуазіи. Они находили свое отечество на мѣстѣ своего сбыта. А такъ какъ это мѣсто мѣнялось и мѣняется, то у буржуазіи не было и нѣтъ опредѣленнаго отечества. Ея отечество тамъ, гдѣ она извлекаетъ наибольшую прибыль.

Буржуазія требовала національной независимости, пока она боролась съ феодальнымъ порядкомъ, съ экономической и политической раздробленностью страны. Буржуазія начала бороться противъ національной независимости, когда ей нужно было въ интересахъ капитала подавлять развитіе производительныхъ силъ въ покоренныхъ

областяхъ для того, чтобы не имѣть тамъ конкурентовъ. Капиталистическія государства не заинтересованы въ самостоятельномъ промышленномъ развитіи этихъ областей. Англія подавляла зачатки самостоятельнаго экономическаго развитія въ Ирландіи, въ Индіи и въ другихъ своихъ „владѣніяхъ". То же самое дѣлали Франція и Германія по отношенію къ своимъ колоніямъ, ко всѣмъ тѣмъ уголкамъ, надъ которыми они объявляли свой протекторатъ. Капитализмъ на одной ступени своего развитія требовалъ объединенія и независимости, а на другой раздробленія и покоренія націй. И въ Африкѣ и Азіи культурныя европейскія государства поддерживали раздробленность туземнаго населенія, очень умѣло пользовались взаимной враждой туземныхъ владѣтелей и безъ большихъ затрудненій подчиняли ихъ своей имперіи.

Имперіалистская буржуазія руководствовалась готентотскимъ правиломъ: „Если ты у меня отнимаешь жену, это зло, если я у тебя отнимаю, это добро". Англія поддерживала цѣлость Турціи, открыто стала на ея сторону во время Крымской войны. Она защищала Турцію отъ господства Россіи, но ничего не имѣла противъ собственнаго господства въ тѣхъ областяхъ, которыя принадлежали Турціи.

Такое же „правило" было положено въ основу французской политики. Франція очень „любила" Турцію не задолго до этой войны. Эта „любовь" объяснялась тѣмъ, что она по торговлѣ съ Турціей занимала четвертое мѣсто послѣ Англіи, Австріи и Германіи. Въ турецкія государственныя и частныя предпріятія было вложено не менѣе трехъ милліардовъ французскихъ денегъ. Изъ общей суммы государственныхъ долговъ Турціи въ 1750 милл. франковъ во Франціи было помѣщено 1.600 милл. Салоникскій банкъ оперировалъ французскими деньгами. Банкъ „Восточнаго финансоваго общества" также оперировалъ на французскія деньги. Французскіе банки, напримѣръ, Ліонское кредитное учетное общество, имѣли въ Турціи значительное количество своихъ отдѣленій. На французскія деньги строились желѣзныя дороги Дамаскъ-Гомакъ, Смирна-Каособа, Яффа-Іерусалимъ, Муданія-Бруса, Салоники—Монастырь, Салоники-Константинополь. Французамъ принадлежали каменноугольныя копи, газовые заводы, значительное число частныхъ коммерческихъ предпріятій въ Константинополѣ, Салоникахъ, Бейрутѣ, Трапезундѣ *).

Поэтому во время Балканской войны почти вся буржуазная пресса Франціи недружелюбно относилась къ балканскимъ народамъ, кото-

*) Вѣстн. Евр., 1913, январь.

рые боролись съ Турціей. Французская буржуазія боялась побѣды балканскихъ союзниковъ надъ Турціей. Экономическіе интересы заставляли ее защищать цѣлость и независимость Турціи. Этого требовали „національные“ идеалы французской буржуазіи. Эти же идеалы диктовали ей недоброжелательное отношеніе къ національнымъ интересамъ балканскихъ народовъ.

Въ лицѣ Франціи и Россіи Англія видѣла своихъ соперницъ до начала 20 вѣка, и до тѣхъ поръ она тяготѣла къ тому союзу, во главѣ котораго стояла Германія. Правда, съ 80-хъ годовъ Англія начала чувствовать „германскую опасность“, но Франція и Россія пугали ее больше. Русская опасность миновала послѣ Русско-японской войны. Эта война показала военное безсиліе Россіи. Англія прекрасно использовала его. Въ „защиту“ Индіи она и раньше энергично выступала противъ Россіи. Она прикрыла сѣверо-западную границу Индіи въ Афганистанѣ. Она добивалась открытія двери для торговли и установленія политическаго вліянія въ Тибетѣ, чтобы прикрыть такимъ образомъ сѣверную границу Индіи. Этотъ второй планъ Англіи удалось осуществить только послѣ японскихъ побѣдъ, когда она послала военную экспедицію въ Тибетъ. Тогда она заключила съ Россіей договоръ, по которому всѣ иностранцы признавались равноправными въ торговлѣ, но фактическое преимущество предоставлялось англичанамъ. Изъ сферы русскихъ интересовъ исключались весь лѣвый берегъ Аму-Дарьи и весь Афганистанъ. Тогда же были установлены сферы вліянія въ Персіи *).

Съ этого момента Англія рѣшительно мѣняетъ къ лучшему свое отношеніе къ Россіи. Англо-русское соперничество понемногу уступаетъ мѣсто англо-русской дружбѣ. Раньше въ англійскихъ общественныхъ кругахъ не могли говорить безъ отвращенія о „варварской“ Россіи. Сближеніе съ царскимъ правительствомъ имъ казалось унизительнымъ и недопустимымъ. А послѣ Японской войны правительство „свободной“ Англіи и самодержавной Россіи протянули другъ другу руки. Ослабѣвшая соперница больше никакихъ опасеній Англіи не внушала, а использовать ее въ своей дальнѣйшей политикѣ она разсчитывала вполнѣ.

Англія разсчитывала использовать Россію противъ Германіи, которая силой экономическаго развитія постепенно превратилась изъ дружественнаго сосѣда въ опаснѣйшаго конкурента. Англо-французскимъ и англо-русскимъ соперничествомъ Германія была про-

*) Р. Б., 907, 12.

пущена на Ближній и Дальній Востокъ. Пока спорили между собою три державы, Германія успѣшно дѣлала свое дѣло. Она усилилась въ экономическомъ отношеніи настолько, что устремилась на всѣ тѣ дороги къ міровому рынку, которыя были заняты Англіей. Англо-германская дружба была результатомъ англо французской и англо-русской вражды. Англо-франко-русская дружба явилась результатомъ англо-германской вражды. Дипломаты всѣхъ странъ какъ будто дѣлали то, что они хотѣли, а выходило у нихъ не то, что имъ хотѣлось.

Англія измѣнила свою внѣшнюю политику, какъ только германская угроза стала для нея очевидной. Она легко сошлась съ Россіей, какъ мы уже сказали, потому что „военная мощь“ этой страны уже не давала ей основанія считать ее своей опасной соперницей. Измѣнила она отношеніе и къ Франціи. Франція безпокоила Англію не сама по себѣ, а какъ союзница сильной Россіи. Послѣ Японской войны, такимъ образомъ, началась новая эра въ международныхъ отношеніяхъ. Англія, во первыхъ, повернулась спиной къ Германіи и стала тяготѣть къ франко-русскому союзу. А во вторыхъ, Англія съ этихъ поръ сдѣлалась „миролюбивой“, вносила проэкты о сокращеніи вооруженій. Это „миролюбіе“ имѣло стратегическое значеніе. Англія видѣла ростъ германскаго милитаризма и не могла спокойно относиться къ этому обстоятельству. Она видѣла въ то же время, что Германія очень энергично занимается иностранной политикой. На моряхъ она не могла быть соперницей Англіи, которая своими морскими силами превосходила не только Германію, но чуть ли не всѣ европейскія государства, вмѣстѣ взятыя. Но сухопутной арміи у Англіи не было, и хотя давно велась агитація за введеніе всеобщей воинской повинности, однако, нельзя было разсчитывать на большіе результаты въ этомъ отношеніи.

Каутскій въ своемъ журналѣ „Neue Zeit“ писалъ еще до войны, что Англія и Франція не могли бы начать войну съ Германіей. Онъ объяснялъ это слабостью сухопутныхъ силъ обѣихъ странъ.—Во Франціи,—писалъ онъ,—населеніе сокращается, въ Англіи оно растетъ медленно, и флотъ поглощаетъ почти всѣ ея живыя силы. А населеніе Германіи увеличивается значительно быстрѣе, и она можетъ увеличивать свою армію безъ большихъ затрудненій. Поэтому, какъ справедливо замѣчалъ Каутскій, Англіи и Франціи выгодно было заключить союзъ съ Россіей, которая такъ богата человѣческимъ матеріаломъ. Но Англія долго не рѣшалась на такой союзъ, потому что

ея интересы далеко не совпадали съ интересами ея теперешнихъ союзниковъ. Сначала она думала связаться съ Германіей по принципу, если можно такъ выразиться, раздѣленія труда. Одна сильна на морѣ, другая на сушѣ, и вмѣстѣ онѣ могутъ владѣть всѣмъ міромъ. Но такое „раздѣленіе труда“ не осуществилось. Ничего не вышло и изъ „миролюбивыхъ предложеній“ Англіи. Германія не согласилась на сокращеніе вооруженій.

Экономическое развитіе диктовало ей другую политику.—„Купецъ торопитъ, а то часто и предупреждаетъ дипломата, и такъ рука объ руку они реализуютъ успѣхъ за успѣхомъ, удачу за удачей. Базисъ проченъ, взаимодѣйствіе обезпечено, и въ результатѣ мы видимъ и легко дающуюся дальновидность и неизмѣняющую въ нужный моментъ рѣшительность. Всѣми этими качествами германская внѣшняя политика обязана, въ конечномъ счетѣ, цвѣтущей промышленности“... —Такъ писалъ обозрѣватель русскаго либеральнаго журнала *). А теперь въ этой же либеральной печати все приписывается злой волѣ отдѣльныхъ лицъ или группъ.

Сначала экономическая мощь Германіи распространялась за предѣлами Европы безъ огня и безъ меча. Она мирно завоевывала новые рынки. Усиленную дѣятельность проявляли въ этомъ отношеніи германскіе банки. Они способствовали развитію вывоза товаровъ и денегъ. Сначала намѣчалось мѣсто для насажденія германскаго экспорта, и въ намѣченномъ мѣстѣ появлялось то или другое отдѣленіе германскаго банка. Такъ утверждался капиталъ въ новомъ „отечествѣ“. Въ Турціи, въ Персіи и въ другихъ восточныхъ странахъ онъ находилъ свою „родину“. Банки не голько помогали германскому экспорту. Они съ помощью дипломатіи захватывали исключительное право на эксплуатацію тѣхъ или иныхъ природныхъ богатствъ новаго „отечества“. Къ числу „мирныхъ“ завоевательныхъ средствъ относились ускоренные пути сообщенія и усовершенствованные способы сношеній.

Приблизительно въ серединѣ 80-хъ годовъ выяснилось, что экономическая мощь Германіи распространяется по всему міру. Англія обратила вниманіе на упадокъ своей промышленности. Была образована королевская комиссія, которая должна была изслѣдовать причины этого упадка. Изслѣдованія комиссіи показали, что главной причиной является германская конкуренція. Чуть ли не со всѣхъ концовъ міра поступали донесенія англійскихъ консуловъ, которые подтверждали,

*) Русс. Мысль, 1910, 12 кн.

что нѣмецкіе товары вездѣ вытѣсняютъ англійскіе. Въ самой Англіи на рынкѣ появились товары съ надписью made in Germany (сдѣлано въ Германіи). И здѣсь, у себя дома, Англія видѣла, что ея товары вытѣсняются германскими. Надо было спасать экономическое положеніе и національные интересы. Англія поставила себѣ съ этихъ поръ двѣ задачи, —разбить германскій флотъ и оградить свою торговлю покровительственной системой.—„Надо топить каждый новый броненосецъ или крейсеръ, который Германія будетъ спускать въ воду“,—писали въ англійской буржуазной прессѣ.

По вопросу о покровительственной системѣ началась въ Англіи борьба между двумя партіями—либеральной и консервативной. Одна отстаивала свободу торговли, другая протекціонизмъ. Обѣ партіи при этомъ руководствовались „интересами“ народа. А рѣчь шла просто о защитѣ своихъ торговыхъ интересовъ отъ иностранныхъ конкурентовъ. Англія раньше, какъ извѣстно, была страной свободной торговли. Ея колоніальными рынками пользовались континентальныя государства. А на континентѣ проводилась покровительственная политика. Англійскіе товары, такимъ образомъ, не имѣли свободнаго доступа на чужіе рынки. И вотъ консервативная партія хотѣла положить конецъ этому. Шла борьба и въ парламентѣ и внѣ парламента. Чемберленъ, главный вдохновитель англійскаго имперіализма, говорилъ:—„Недавно Англія переживала періодъ необычайнаго расцвѣта промышленности, и тѣмъ не менѣе безработица наблюдалась и тогда. Это объясняется тѣмъ, что спросъ на трудъ въ Англіи не возрастаетъ пропорціонально съ ростомъ населенія и спросомъ на международныхъ рынкахъ... Въ то же время громадныя территоріи въ колоніяхъ пустуютъ и не являются естественнымъ резервуаромъ для прироста населенія въ метрополіи. Англійскіе рабочіе, отстаивая свободу торговли, играютъ на руку германскимъ фабрикантамъ“... Германскіе рабочіе „смѣются“,—говорилъ Чемберленъ. Ему отвѣчалъ англійскій соціалистъ Рамсей Макдональдъ, указывая на то, что въ Германіи соціалъ-демократы стоятъ за свободу торговли, а протекціонизмъ отстаивается юнкерской партіей *).

Въ воззваніяхъ протекціонистовъ-Чемберлена и Бальфура говорилось:—„Мы обращаемся къ вамъ, какъ къ патріотамъ. Мы говоримъ вамъ, что съ нашей промышленностью дѣло обстоитъ плохо. Другія націи прогрессируютъ быстрѣе, чѣмъ мы. Мы теряемъ наше положеніе на промышленныхъ рынкахъ“...

*) Русск. Бог. 1900, 3 іюня: „Изъ Англіи“.

Либералы—сторонники свободной торговли писали:—„Съ цѣлью засыпать пескомъ глаза избирателямъ дѣлаютъ неудачныя попытки посѣять вражду между Великобританіей и Германіей. Обвиненіе правительства въ томъ, что оно ничего не сдѣлало для флота—ложь. Въ этомъ году Франція и Германія вмѣстѣ ассигновали на флотъ 5289043 фунта стерлинговъ, Англія же одна—35172700 ф. ст.“ *).

На избирательныхъ плакатахъ приводилась программа той и другой партіи. Консерваторы писали: „Голосъ за консерватора—это голосъ за тарифную реформу, за британскаго рабочаго, за обиліе работы, за лучшіе заработки, за прекрасный флотъ, за національную безопасность, за цвѣтущую промышленность, за мелкихъ земельныхъ собственниковъ, за религіозное образованіе, за колоніальный преимущественный тарифъ, за объединенную имперію, за уменьшеніе налоговъ, за лучшія времена“.

Консерваторы предупреждали избирателей посредствомъ плакатовъ, что каждый голосъ за представителей противной партіи будетъ „за иностраннаго рабочаго, за безработицу, за уменьшеніе заработковъ, за ослабленный флотъ, за національную опасность, за падающую промышленность, за обнищавшихъ сельскихъ жителей, за свѣтское обученіе, за сокращенную Англію, за гомруль, увеличеніе налоговъ, за тяжелыя времена“ **).

Какъ видимъ, иностранная политика опредѣляла характеръ внутренней политики. Всѣ эти „возвышенныя“ требованія имѣли простую, прозаическую подкладку. Германія конкурировала съ Англіей въ колоніяхъ. Надо было усилить свой флотъ для борьбы съ этимъ конкурентомъ. Надо было тѣснѣе связаться съ колоніями и образовать одну имперію, надо было окружить эту имперію таможенной стѣной. Этого требовали интересы англійской промышленности, главнымъ образомъ, металлургической. Только короли этой промышленности и аграріи могли извлекать большія прибыли изъ имперіалистской политики. Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, мостовъ, станцій, пароходовъ, паровозовъ и вагоновъ поглощало, главнымъ образомъ, продукты металлургической промышленности. И тѣ, кто стояли во главѣ ея, не могли не вдохновлять руководителей дипломатіи.—Прибыль отъ сооруженія дредноута составляетъ 200 тыс. фунтовъ стерлинговъ, дредноутъ сожигаетъ 40 тоннъ угля въ часъ, за каждую тонну угля помѣщики получаютъ отъ шахто-владѣльцевъ 54 коп., каждый дредноутъ даетъ помѣщику 40 ф. стерлинговъ въ день.—Такъ писали радикалы, во время избира-

*) Р. Б., 1910, 2.

**) Р. М., 1910, III.

тельной борьбы съ консерваторами имперіалистами. Радикалы доказывали, такимъ образомъ, что на имперіалистской платформѣ объединяются капиталисты и землевладѣльцы. Радикалы боролись съ этими двумя классами. Ихъ поддерживали въ этой борьбѣ соціалисты.

Соціалисты боролись съ такой политикой и въ Германіи, какъ видно изъ приведенныхъ выше словъ англійскаго соціалиста Макдональда. И въ Германіи въ завоевательной политикѣ объединялись интересы юнкеровъ и крупныхъ капиталистовъ. Но борьба соціалистовъ здѣсь не была настолько успѣшной, чтобы сдерживать аппетиты господствующихъ классовъ. Вокругъ рейхстага и въ самомъ рейхстагѣ разгоралась борьба по вопросамъ, связаннымъ съ внѣшней политикой. Но Бисмаркъ умѣлъ отвлекать вниманіе рейхстага на тѣ „дѣла“, которыя выходили далеко за предѣлы Германіи. Съ усиленіемъ демократическаго движенія въ каждой странѣ сокращались расходы на вооруженіе, и ограничивались военныя приготовленія. Такъ было въ Англіи и во Франціи. Это не удавалось въ Германіи, гдѣ правительство пользовалось большими привилегіями, и гдѣ народныя массы терпѣли ограниченіе въ своихъ правахъ больше, чѣмъ гдѣ либо въ Западной Европѣ. Германское правительство успѣшнѣе готовилось въ теченіе ряда лѣтъ къ войнѣ. Еще въ 1887 г. Бисмаркъ хвастался, что, благодаря новому закону который былъ принятъ по его иниціативѣ, „Германія броситъ на оба фронта 2 милл. солдатъ противъ Россіи и противъ Франціи“. Это говорилъ Бисмаркъ, когда франко-русскаго союза формально не было, но очень опредѣленно говорили о немъ. Бисмаркъ съ одной стороны очень радовался, что Франція, послѣ разгрома въ 1870 г., стала на путь внѣшней политики. Бисмаркъ радовался, что французскія войска уходятъ изъ Европы въ африканскія пустыни, и Франція забываетъ о своей мести за то униженіе, которое причинила ей Германія. Но эта колоніальная политика и побудила Францію искать союза съ Россіей. А въ этомъ союзѣ руководители германской дипломатіи, тотъ же Бисмаркъ, между прочимъ, видѣли угрозу для себя. Въ противовѣсъ этому союзу намѣтился тройственный союзъ (Германія, Австрія, Италія), который имѣлъ оборонительный характеръ. Но оборона у всѣхъ предполагала нападеніе, и всѣ старались въ этомъ отношеніи предупредить другъ друга. Каждая сторона собиралась напасть на другую, когда считала это выгоднымъ для себя. Еще въ 90 годахъ Вильгельмъ II обратился къ своей бабушкѣ, англійской королевѣ Викторіи, за содѣйствіемъ:—Франція пріобрѣтаетъ могучаго союзника,—говорилъ германскій императоръ,—а Германія небудетъ имѣть такихъ союз-

никовъ, на Италію надѣяться нельзя, народъ страдаетъ подъ тяжестью вооруженія, надо окончательно сокрушить Францію, чтобы предотвратить будущую европейскую войну и водворить прочный миръ на землѣ.—Нападеніе для обороны, война въ интересахъ мира;—такъ подъ высокимъ флагомъ проводились интересы, ничего общаго не имѣющіе ни съ миромъ ни съ обороною. Чтобы понять эти интересы, надо заглянуть въ книги германскихъ имперіалистовъ. Въ этихъ книгахъ, которыя выходили въ теченіе прошлаго столѣтія, еще задолго до Европейской войны, говорилось, что „Пруссія должна образовать всемірное государство, такъ какъ германская раса превосходитъ всѣ другія, а романскія созрѣли къ погибели". *) Этимъ германскіе имперіалисты мотивировали необходимость германизированія Европы.

Бабушка не благословила своего внука. Англія повліяла на Германію, удержала отъ войны, не допустила разгрома Франціи. Германія собралась къ міровому господству другими путями. Она устремилась на Востокъ, чтобы внѣшними пріобрѣтеніями создать великую имперію.—„Наше будущее лежитъ на морѣ",—сказалъ Вильгельмъ, и, дѣйствительно, германское правительство готовилось къ этому будущему. Увеличивало морской бюджетъ, усиливало морскія вооруженія. Это видѣла Англія, и, въ свою очередь, англійскіе правящіе круги готовились къ нападенію для обороны.—„Если вы хотите воевать съ нами, то мы сами выберемъ моментъ для начала войны, когда это будетъ выгодно намъ, а не вамъ", писали во вліятельной англійской прессѣ по адресу Германіи.

Война была неизбѣжна, потому что руководителями внѣшней политики были правящіе круги. Если бы демократіи удалось всю тяжесть налоговъ, въ связи съ безумнымъ ростомъ вооруженій, перенести на плечи имущихъ классовъ, то эти классы не были бы сторонниками войны. Вооруженіе—это своего рода издержки по производству. Капиталистъ строитъ фабрики, заводы, покупаетъ машины, нанимаетъ рабочихъ, словомъ, производитъ издержки для того, чтобы оборудовать выгодное предпріятіе, дающее прибавочную цѣнность. Къ такого рода издержкамъ относятся пушки, митральезы, броненосцы и т. д. Помощью этихъ „орудій производства" капиталисты прокладываютъ пути къ новымъ рынкамъ, гдѣ они могутъ выгодно сбывать свои товары и извлекать прибыли. Если эта прибыль не превышаетъ предварительныхъ издержекъ, то капиталистъ отказывается отъ нихъ. Если ему придется всю прибавочную цѣн-

*) Кн. Шумана—„Die Zukunft Deutschlands".

ность затрачивать на вооруженіе, то онъ не будетъ поддерживать милитаризма. Но дѣло въ томъ, что буржуазія легко возлагаетъ всю эту тяжесть на плечи неимущихъ классовъ. Въ Германіи это удавалось легче, чѣмъ въ Англіи и во Франціи. Въ Англіи, несмотря на долголѣтнюю агитацію, всеобщая воинская повинность была введена только во время войны. Во Франціи сильное демократическое движеніе привело къ тому, что срокъ военной службы былъ сокращенъ до двухъ лѣтъ. Эта военная слабость Англіи и Франціи питала надежды германскихъ имперіалистовъ на міровое господство. Германское правительство давало отпоръ требованіямъ демократіи и легко увеличивало свой военный бюджетъ. Оно, дѣйствительно, превратилось въ гнѣздо милитаризма.

III.

Дипломатическая война велась гораздо раньше, чѣмъ заговорили пушки. Чтобы заручиться надежными союзниками противъ Германіи, Англія заранѣе входила съ ними въ соглашеніе на почвѣ опредѣленныхъ экономическихъ интересовъ. Къ числу такихъ соглашеній относится т. н. третейскій договоръ съ Франціей въ октябрѣ 1903 г., по которому было произведено разграниченіе сферъ вліянія въ Африкѣ и Азіи. Сюда же относится соглашеніе 8 апрѣля 1904 г., которое содержитъ въ себѣ три декларації:—объ Египтѣ и Марокко, о Ньюфаундлендѣ и Африкѣ, о Сіамѣ, Мадагаскарѣ и Новыхъ Гибридахъ.

Въ силу этихъ соглащеній, земли, лежащія на востокѣ и юго-востокѣ отъ рѣки Менама, съ прилегающими островами должны были находиться подъ вліяніемъ Франціи. А земли, находящіяся на западѣ отъ этой рѣки и отъ Сіамскаго залива, а также Малакскій полуостровъ съ сосѣдними островами предоставлялись Англіи и т. д. Нѣтъ нужды подробно останавливаться на этихъ передѣлахъ чернаго континента. Много было этихъ передѣловъ. Въ данномъ случаѣ Англія и Франція, на почвѣ взаимныхъ уступокъ, сговаривались другъ съ другомъ противъ общаго врага. А такимъ врагомъ была Германія.—„Пока мы будемъ работать въ согласіи съ Франціей, намъ нечего бояться противодѣйствія со стороны другихъ державъ“*), —телеграфировалъ англійскій дипломатъ лордъ Лендсдаунъ 8 окт. 1904 г., когда происходилъ указанный дѣлежъ между Англіей и Франціей. Делегаты обѣихъ странъ обмѣнивались визитами по по-

*) Рус. Мысль, 905 г., сент.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

воду этого соглашенія, произносили рѣчи. Представители Франціи говорили, что въ колоніальныхъ предпріятіяхъ, на многочисленныхъ пунктахъ земного шара, интересы обоихъ народовъ сталкиваются между собою...—Но,—добавляли французскіе имперіалисты,—„надо позаботиться о лучшихъ способахъ устраненія этихъ столкновеній".

Имъ отвѣчали англійскіе имперіалисты устами Чемберлена, что „за послѣднее время колоніальныя предпріятія внесли *нѣкоторыя разногласія*, но, обсуждаемыя въ началѣ и въ дружественномъ направленіи, они легко поддаются рѣшенію къ обоюдному удовлетворенію" *).

На почвѣ колоніальной политики возникали болѣе чѣмъ „нѣкоторыя" разногласія, но не за послѣднее время только, а въ теченіе почти двухъ столѣтій. Чемберленъ, какъ онъ самъ признавался, больше всѣхъ способствовалъ обострению этихъ разногласій, именно за послѣднее время. Но изъ двухъ золъ выбираютъ, обыкновенно, меньшее. А Германія тогда казалась Англіи и Франціи большимъ зломъ. Отъ соглашеній до тѣсной дружбы было все таки очень далеко. Французская буржуазная пресса опредѣленно высказывалась противъ союза съ Англіей. Вліятельная газета „Temps" находила, что этотъ союзъ во время войны можетъ быть полезенъ для Франціи „въ самой малой степени". Но чѣмъ быстрѣе росла Германія, тѣмъ очевиднѣе казалась полезность англо-французскаго союза дипломатамъ обѣихъ странъ.

Съ точки зрѣнія полезности разсматривала Англія соглашеніе и союзъ съ своими же колоніями. Въ началѣ и во время этой войны сторонники тройственнаго согласія, въ томъ числѣ даже нѣкоторые „соціалисты", чуть ли не преклонялись передъ Англіей за то, что она предоставляла своимъ колоніямъ широкое самоуправленіе. Эти не въ мѣру усердные поклонники или забывали факты, или не хотѣли ихъ въ это время вспоминать. Извѣстно, что либеральная политика Англіи въ колоніяхъ начинается съ момента возстанія Сѣв. Америки противъ англійскаго владычества. Только съ тѣхъ поръ Англія стала вводить систему вольностей, „во имя сохраненія связей съ метрополіей". Такая либеральная политика Англіи опредѣлялась интересами имперіалистовъ этой страны. Взять хотя бы Индію. Здѣсь самоуправленіе простиралось только на одну четвертую часть населенія, при чемъ деревенщина не имѣлась въ виду. Да и это самоуправленіе было болѣе, чѣмъ ограничено. Губернаторы и чиновники

*) Тамъ-же.

постоянно вмѣшивались въ мѣстныя дѣла. Въ 1892 г., напримѣръ, на 939 англійскихъ чиновниковъ было 20 чиновниковъ индусовъ.

Такъ уживалось національное самоопредѣленіе съ имперіализмомъ. Уживалось, какъ говорится, постольку-поскольку. Чѣмъ больше „германская опасность" надвигалась, тѣмъ больше связывалась Англія съ своими колоніями, тѣмъ больше вольностей она имъ предоставляла. И колоніи связывались съ англійской имперіей, руководствуясь при этомъ своими экономическими интересами. Въ день шестидесятилѣтія англійской королевы Викторіи въ Лондонѣ съѣхались представители всѣхъ важнѣйшихъ колоній. И всѣ они изъявили желаніе участвовать въ расходахъ на усиленіе флота. Предполагалось объединить колоніальную политику, установить взаимность, въ силу которой „промышленность странъ, входящихъ въ союзъ британской имперіи, взаимно пользовалась бы значительными преимуществами передъ соотвѣтствующей промышленностью другихъ странъ". На этой почвѣ произошло объединеніе англійской имперіи. Тутъ были простые экономическіе расчеты съ той и съ другой стороны. Колоніи, по мнѣнію Англіи, сохраняли свою экономическую независимость отъ другихъ странъ. А Англія сохраняла свое господство надъ „независимыми" колоніями. Она предоставляла имъ и финансовыя средства и живыя силы. И во время войны Англія и Франція сражались съ помощью „культурныхъ" индійскихъ и африканскихъ солдатъ противъ „варварской" Германіи.

Соглашеніе съ Россіей тоже было построено на принципѣ „взаимной" пользы, при чемъ львиная доля этой пользы доставалась Англіи. Она заставила Россію отказаться отъ всѣхъ притязаній на Индію и на другія свои восточныя владѣнія. Несомнѣнно, это не удалось бы ей, еслибы война съ Японіей не кончилась пораженіемъ Россіи. Россія усилилась бы на Дальнемъ Востокѣ и, конечно, не отказалась бы отъ тѣхъ „притязаній", которыя такъ безпокоили Англію. Послѣ Русско-японской войны въ Англіи восторжествовалъ либерализмъ. Сократили расходы на морское вооруженіе на $2^1/_2$ милл. ф. стерлинговъ.—„Англія не имѣетъ основанія стремиться къ тому, чтобы ея флотъ превосходилъ германскій и французскій",—писали англійскія газеты.

Это миролюбіе не могло быть продолжительнымъ. Руководители англійской политики прекрасно понимали это. Имъ теперь нужна была не морская, а сухопутная сила. Въ этомъ отношеніи къ ея услугамъ могли быть ея бывшія соперницы. Русская политика съ Дальняго Востока переселилась на Ближній Востокъ. Раньше

здѣсь Германія чувствовала себя хозяиномъ положенія. Ея экономическое вліяніе распространилось на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, а черезъ него дальше, на весь Ближній Востокъ. Мы уже говорили, что Германія проникала туда въ то время, когда Англія, Франція и Россія были заняты своими спорами изъ-за сферъ вліянія. Этими спорами онѣ подготовили себѣ новаго соперника, противъ котораго нужны были объединенныя усилія.

Царская Россія въ этомъ объединеніи видѣла свою опору. Неудачная война съ Японіей вызвала у насъ революціонное движеніе. Революція должна была разрѣшить одну задачу — уничтожить остатки крѣпостничества, мѣшавшіе развитію производительныхъ силъ. Если бы удалось разрѣшить эту задачу, то нашей экономической самостоятельности не угрожала бы никакая опасность. Торговый договоръ, который связывалъ насъ съ Германіей на невыгодныхъ условіяхъ, самъ собою былъ бы ликвидированъ. Но внутренняя борьба кончилась пораженіемъ. И русская буржуазія поставила своей цѣлью бороться за капиталистическое развитіе Россіи путемъ внѣшней политики. Русскіе либералы устремили свой взоръ на бассейнъ Чернаго моря, на Балканскій полуостровъ, на весь Ближній Востокъ. П. Струве писалъ въ своихъ „патріотическихъ“ статьяхъ, что Россія должна утвердить свое экономическое и политическое господство во всѣхъ областяхъ, прилегающихъ къ бассейну Чернаго моря. П. Струве предвидѣлъ столкновеніе съ Австріей и Германіей на этой почвѣ, но онъ надѣялся на союзъ съ Франціей и соглашеніе съ Англіей, которое въ случаѣ необходимости могло бы быть „расширено и углублено“. Такая внѣшняя политика русскихъ либераловъ цѣликомъ поддерживалась и русскимъ правительствомъ. Она отвлекала вниманіе русскаго общества отъ внутренней борьбы. Въ печати стали все громче говорить, что единственный врагъ нашего самостоятельнаго развитія—это Германія, которая своимъ торговымъ договоромъ душитъ зачатки русскаго капитализма. Какъ будто нарочно забывалось, что русское правительство заключало эти договоры. И они были не столько причиной, сколько результатомъ нашей экономической и политической слабости. Если бы Россія была сильна, ей не пришлось бы подписывать невыгодные для себя торговые договоры. Но Россія не могла быть сильной подъ игомъ царскаго правительства. Нужно было бороться съ нимъ въ интересахъ родины. А либералы, послѣ разгрома революціи, вошли въ соглашеніе съ этой „исторически сложившейся властью“ для того чтобы зданіе Великой Россіи строить за предѣлами Россіи.

Выдвинули національную идею. Писали и говорили о томъ, что именно великія національныя идеи объединяютъ съ Россіей всѣ славянскіе народы, живущіе на Балканскомъ полуостровѣ. Это было ничѣмъ не прикрытое лицемѣріе. Царское правительство не разъ поддерживало Турцію противъ тѣхъ же братьевъ—славянъ. А эти „братья" не переставали ссориться другъ съ другомъ на почвѣ экономическихъ интересовъ. Никогда балканскіе славяне не относились съ довѣріемъ къ Россіи. И Сербія и Болгарія не разъ прибѣгали къ покровительству Австріи и Германіи противъ русской опасности. А какъ относилась Франція къ балканскимъ народамъ, это мы видѣли выше.

Нѣтъ, идея славянскаго освобожденія была надстройкой. Разбить экономическую мощь Германіи и ея вліяніе въ бассейнѣ Чернаго моря—вотъ фундаментъ для этой надстройки. Больше всѣхъ въ этомъ была заинтересована Англія. Но этого нельзя было добиться безъ общеевропейской войны. Франція воспользовалась бы всякимъ поводомъ для того, чтобы вмѣшаться въ эту войну. Сорокъ лѣтъ она мечтала о реваншѣ, о возвращеніи Эльзасъ-Лотарингіи. Но, чувствуя свою слабость, она всячески избѣгала сепаратной войны съ Германіей.

Какую печальную роль сыграла Россія въ подготовкѣ Европейской войны, это видно хотя бы изъ словъ г. Милюкова, котораго никакъ нельзя подозрѣвать въ склонности возлагать на русское правительство какую бы то ни было отвѣтственность. Милюковъ писалъ въ „Рѣчи" 12 іюня 1916 г.:—„Мой тезисъ былъ, что русская дипломатія не настояла на соблюденіи договора 1912 г. между Болгаріей и Сербіей, что она допустила несправедливый раздѣлъ Балканъ по Бухарестскому договору, и *сама подготовила горючій матеріалъ и поводъ для войны*. Но если всѣ эти ошибки дали поводъ для войны 1914 г.,—писалъ Милюковъ,—то надо же признать и то, что уже *не поводомъ, а дѣйствительной причиной войны для Австріи была вся наша политика относительно Сербіи* со времени возвращенія туда династіи Карагеоріевича. Первый успѣхъ нашихъ министровъ, по мнѣнію Милюкова,—отказъ Австріи отъ Санджака, отъ пути въ Салоники. Этотъ отказъ заставилъ Австрію перенести свою мысль на пріобрѣтеніе легчайшаго и прямого пути туда же долиной Моравы, т. е. на завоеваніе Сербіи. Но этотъ исходъ былъ отчаяннымъ и рискованнымъ, ибо онъ не могъ быть достигнутъ безъ Европейской войны".

Я привелъ эту длинную выписку для того, чтобы доказать, какъ неправы тотъ же Милюковъ и всѣ его единомышленники, когда отвѣтственность за войну возлагаютъ только на одну Германію. Впослѣдствіи не разъ придется ссылаться на Милюкова противъ самого Милюкова. Его свидѣтельскія показанія особенно цѣнны. И въ данномъ случаѣ онъ, какъ нельзя лучше, доказалъ, что Сербія явилась жертвой не только австрійской, но и русской политики. Неудивительно, что сербскіе соціалисты въ самомъ началѣ войны голосовали противъ военныхъ кредитовъ и выразили недовѣріе не только своему правительству, но и великой „покровительницѣ“ славянскихъ народовъ—Россіи. Они исполнили свой соціалистическій долгъ, но остались безъ поддержки. Въ международномъ соціализмѣ тогда произошло такое замѣшательство, что даже не обратили вниманія на этотъ геройскій подвигъ сербскихъ товарищей.

Россія не имѣла на Балканскомъ полуостровѣ такого экономическаго вліянія, какъ Австрія и Германія. Вѣрнѣе, не имѣла никакого. А иначе нельзя было пріобрѣсти и политическаго вліянія. Бороться на Балканскомъ полуостровѣ съ Австріей и Германіей—это значило ослабить ихъ экономическую мощь. А этимъ ослабленіемъ могли воспользоваться только Англія и Франція. Россія, какъ отсталая страна, не утвердила бы своего экономическаго и политическаго господства въ бассейнѣ Чернаго моря. И если Англія и Франція дорожили Россіей, то исключительно какъ орудіемъ проведенія своихъ плановъ.

Русская буржуазія не является активной силой въ международномъ имперіализмѣ. Она въ этой войнѣ участвуетъ въ интересахъ исключительно, союзной буржуазіи. Это тройственное согласіе образовалось въ противовѣсъ тройственному союзу, который, какъ мы уже говорили, имѣлъ оборонительно-наступательный характеръ. По союзному договору, „въ случаѣ войны вся австрійская армія въ составѣ 15 корпусовъ, поддерживаемая на правомъ флангѣ половиной итальянской арміи, а на лѣвой—всей саксонской, должна была итти на Россію, въ то время, какъ вся остальная нѣмецкая армія, въ составѣ 19 корпусовъ, должна была обрушиться на Францію, при поддержкѣ итальянской арміи съ юга Франціи“ *).

Тройственный союзъ былъ результатомъ пораженія Франціи въ 1870—71 г. Этому пораженію способствовала не только Англія но и Россія. Въ 1870—71 г. Россія помѣшала Италіи притти на помощь

*) Павловичъ—„Разложеніе тройственнаго союза“. Соврем., 911, 9.

побѣжденной Франціи. Русскій представитель въ Парижѣ, Окуневъ писалъ:—„Если Англія начнетъ какія либо приготовленія, чтобы помочь французамъ, Россія съ своей стороны приступитъ къ дѣйствіямъ. Въ Петербургѣ будутъ дѣлать то, что будутъ дѣлать въ Вѣнѣ... Если Австрія приметъ участіе въ войнѣ, какъ союзница Франціи, противъ Пруссіи, то Россія начнетъ кампанію, какъ союзница Пруссіи, противъ Австріи". Вильгельмъ II поблагодарилъ тогда Россію—„Пруссія никогда не забудетъ, чѣмъ она обязана Россіи",—писалъ онъ русскому самодержцу.

Россія, какъ видимъ, сама подготовила себѣ противника. Конечно, были объективныя причины, вызвавшія и тройственное согласіе и тройственный союзъ. Къ числу этихъ причинъ относится то, что Германія позже другихъ вступила на путь колоніальной политики. Почти всѣ азіатскія и африканскія земли были захвачены. Для „защиты" ихъ отъ Германіи образовалось тройственное соглашеніе. Для „защиты" своей колоніальной политики образовался тройственный союзъ.

IV.

Англія (да не только Англія) очень возмущалась нападеніемъ на Бельгію, нарушеніемъ бельгійскаго нейтралитета, возмущалась тѣмъ, что такъ варварски былъ нарушенъ международный договоръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сами англичане думали совсѣмъ иначе о такихъ договорахъ. Въ книгѣ, изданной въ 1905 г., англійскій писатель Моррей писалъ:—„Международное право ограждаетъ только сильныхъ, и единственные законы, признаваемые великими державами, это *сила и удобство*... Единственные вопросы, которые себѣ задаютъ практическіе государственные люди за границей, это—есть ли у насъ возможность сдѣлать то или другое, а если да, то удобно ли? Международные трактаты считаются обязательными лишь до тѣхъ поръ, пока взаимные интересы договаривающихся сторонъ остаются прежніе, и пока возможно *силой* заставить эти державы исполнять взятыя на себя обязательства... Развѣ сама Англія въ 1807 г. не захватила датскій флотъ, не бомбардировала столицу дружественной страны и не забрала всю ея амуницію, находясь съ нею въ полномъ мирѣ и не объявляя ей предварительно никакой войны"? *) Тотъ же авторъ могъ привести и другіе примѣры изъ послѣдующей исторіи внѣшней политики Англіи. Захватъ Ковайета, напримѣръ, этого выходного пункта Малоазіатской желѣзной дороги,

*) Вѣстн. Евр. 1915, 9. Литература и милитаризмъ въ Англіи.

ни въ какой мѣрѣ не соотвѣтствовалъ принципамъ международнаго права. То же самое можно сказать о поведеніи Англіи въ Афганистанѣ, Тибетѣ и всюду, гдѣ ея интересы требовали этого. И у насъ, въ либеральной печати за нѣсколько лѣтъ до войны совсѣмъ иначе смотрѣли на международные договоры. Смѣялись надъ тѣми наивными политиками, которые придавали этимъ договорамъ самодовлѣющее значеніе. И въ нашей либеральной печати говорили о договорахъ то же самое, что говорили о нихъ нѣмецкіе завоеватели послѣ нападенія на Бельгію. Они называли ихъ „клочкомъ бумаги". Послѣ это подтвердила Италія выходомъ изъ союза и переходомъ на сторону тройственнаго согласія. Италія нарушила союзный договоръ, которому было больше тридцати лѣтъ, нарушила въ тотъ моментъ, когда онъ уже не отвѣчалъ ея интересамъ. То же самое сдѣлала Румынія; она вѣдь до войны также примыкала къ Германіи и ея союзникамъ. Былъ тайный договоръ между ними. Въ случаѣ войны Румынія должна была выступить противъ Россіи. Долго колебались во время войны и Италія и Румынія. Мы послѣ увидимъ, какіе интересы толкали ихъ въ ту или другую сторону. А пока замѣтимъ, что, если бы онѣ были увѣрены въ полной побѣдѣ Германіи, то не рѣшились бы присоединиться къ ея противникамъ. Присоединились только тогда, когда военный успѣхъ тройственнаго согласія имъ казался очевиднымъ.

Замѣтимъ кстати, что нѣкоторые идеологи международнаго братства и солидарности привѣтствовали въ свое время выступленіе и Италіи и Румыніи. Они думали, что вмѣшательство этихъ странъ ускоритъ побѣду надъ Германіей и обезпечитъ всему міру прочный и чуть ли не вѣчный миръ. Такъ думалъ, между прочимъ, Г. В. Плехановъ. Вышло совсѣмъ не то, что предсказывали онъ и его единомышленники. Италія, Румынія своимъ вмѣшательствомъ только затянули войну. А могутъ ли онѣ хотя бы послѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ, способствовать водворенію прочнаго мира? Нѣтъ, не могутъ. И это мы увидимъ ниже, когда узнаемъ, какими „національными" интересами руководствовались эти нейтральныя державы, перешедшія потомъ въ состояніе войны.

Ничего общаго цѣли воюющихъ правительствъ не имѣли съ интересами маленькихъ народовъ. Имѣли общее, но не въ томъ смыслѣ, какъ говорили имперіалисты. Они говорили о національныхъ идеалахъ, о самоопредѣленіи и независимости Бельгіи, Сербіи, Эльзасъ-Лотарингіи. Что это не вѣрно, видно изъ признаній самихъ имперіалистовъ. Англійская газета „Times" писала въ началѣ войны:

—„Почему мы гарантировали нейтралитетъ Бельгіи? Мы гарантировали его, исходя изъ серьезнаго собственнаго интереса, того интереса, который всегда заставляетъ насъ бороться противъ утвержденія какой либо великой державы vis à vis нашего восточнаго берега... Главной изъ причинъ несомнѣнно было стремленіе поддержать европейскій миръ, но охраненіе мира является, въ то же время, охраненіемъ насъ самихъ“*).

Цитируя французскаго историка Лависса по вопросу о франко-британской дружбѣ, обозрѣватель иностранной жизни въ „Вѣстникѣ Европы“ писалъ:...—„Въ дѣйствительности, конечно, французы всего меньше думали о свободѣ маленькихъ, угнетаемыхъ народовъ, о процвѣтаніи вновь народившихся національностей, о защитѣ человѣчности, когда снабжали капиталами Абдулъ Гамида и отстаивали до послѣдняго времени цѣлость и неприкосновенность Турціи... Тѣ благородныя нравственныя чувства, которыя, по словамъ Лависса, воодушевляютъ самыхъ реальныхъ политиковъ Англіи и Франціи, не мѣшали этимъ странамъ предпринимать явно несправедливыя войны для пріобрѣтенія чужихъ земель и для подавленія другихъ народовъ... Точно такъ же и англичане въ своихъ внѣшнихъ предпріятіяхъ руководствовались скорѣе коммерческими расчетами, чѣмъ высокими идеями человѣчности и справедливости.“

Все это не мѣшало, въ свою очередь, обозрѣвателямъ тѣхъ же журналовъ говорить во время войны совсѣмъ другое. Они говорили только о благородствѣ этихъ націй, о томъ, что именно Англія и Франція всегда стояли за справедливость. Въ такой оцѣнкѣ стремленій союзныхъ правительствъ сходились и либералы и соціалисты-оборонцы.

Интернаціоналисты смотрѣли иначе. Они отрицали всякую мысль о сотрудничествѣ съ имперіалистами. И въ то же время они, конечно, далеко не безразлично относились къ судьбамъ маленькихъ народовъ. Интернаціоналисты всѣхъ странъ энергично протестовали, въ частности, противъ нарушенія бельгійскаго нейтралитета. Но они не забывали и того, что къ варварскимъ способамъ веденія войны прибѣгаетъ не только Германія. Интернаціоналисты знаютъ, что всякій договоръ есть выраженіе соотношенія силъ и отвѣчаетъ интересамъ договаривающихся сторонъ. Если одна сторона входила въ соглашеніе съ другой, то исключительно по экономическимъ соображеніямъ. Это не значитъ, что соціалисты привѣтствуютъ силу

*) „Рус. Зап.“, 1915, Майскій. Уравновѣшенная Англія.

и спокойно смотрятъ на нарушеніе правъ слабой стороны. Они полагаютъ только, что силѣ надо противопоставить силу. Они борются противъ сильныхъ не идеалистической словесностью, не ссылкою на право и справедливость, а путемъ мобилизаціи своихъ силъ. Они требуютъ мира, но вовсе не думаютъ, что имъ удастся путемъ голословной проповѣди склонить къ миру всѣхъ, кто ведетъ войну. Они собираютъ пролетарскіе ряды, чтобы вести ихъ на виновниковъ войны. Силой они хотятъ разрушить враждебную силу и подготовить торжество общечеловѣческихъ идеаловъ. Носителями этихъ идеаловъ не могутъ быть въ отдѣльности ни Германія, ни Англія, ни Франція. Эту задачу могутъ взять на себя и Англія, и Франція, и Германія, словомъ, тѣ общественные классы, которые находятся во всѣхъ странахъ въ одинаковомъ положеніи. Пролетаріи всѣхъ странъ выступаютъ въ защиту всеобщаго мира и справедливости, потому что это отвѣчаетъ ихъ интересамъ. А ихъ интересы совпадаютъ съ международными интересами. Капиталистическое развитіе вооружило одну націю противъ другой, но оно объединило ихъ въ то же время другъ съ другомъ. Интересы господствующаго класса одной страны противорѣчатъ интересамъ такого же класса другой страны. Англійская буржуазія вела войну съ французской, теперь ведетъ ее съ германской. Германская буржуазія не могла ужиться съ французской и т. д. Но рабочіе тѣхъ и другихъ странъ все больше и глубже начинаютъ понимать, что они и только они вездѣ терпятъ пораженіе въ случаѣ побѣды буржуазіи своей или чужой страны. Буржуазное право и буржуазную справедливость пролетаріи отрицаютъ и выдвигаютъ свое право, свою справедливость. Они борются за свои идеалы вмѣстѣ съ пролетаріями другихъ странъ противъ буржуазіи и своей страны. Пролетаріи не вѣрятъ въ буржуазную культуру. Современная война показала, что чѣмъ выше развитіе капиталистической культуры, тѣмъ болѣе усовершенствованы способы веденія войны, т. е. взаимнаго истребленія народовъ. Все, что было создано гигантскимъ развитіемъ человѣческой мысли, все обращено на варварское дѣло. Величайшія изобрѣтенія и открытія могли быть использованы для устройства прочнаго и справедливаго мира на земномъ шарѣ. Ими пользуется буржуазія, чтобы вѣчно нарушать миръ между людьми. Ясно, что она должна сойти со сцены, уступить мѣсто пролетаріату, который сдѣлаетъ науку, искусство, технику не орудіемъ войны, а орудіемъ мира.

V.

О культурности „культурныхъ“ странъ Англіи, Франціи, Германіи мы можемъ судить по тѣмъ многочисленнымъ даннымъ, которыя рисуютъ ихъ поведеніе въ покоренныхъ странахъ. Очень много писалось объ англійской Индіи. Нѣтъ возможности останавливаться на всемъ, что писалось. Ничего новаго мы здѣсь не скажемъ навѣрно. О несчастьяхъ Индіи съ той поры, какъ тамъ утвердилась Англія, громко говорили и туземцы и сами англичане. Бомбейскій публицистъ Манабари въ книгѣ „Въ Индіи въ 1898 г.“ выясняетъ причины голодовъ, болѣзней и смертности. Англійскіе оптовые и хлѣбные торговцы не допускали внутренней продажи его по дешевымъ цѣнамъ и вывозили за границу, гдѣ цѣны дороже, и торговые барыши больше. Въ этомъ англійскимъ торговцамъ помогали, конечно, и туземные торговцы. Англичанъ и индусовъ объединяли общіе экономическіе интересы, вѣрнѣе, большіе барыши. И обѣ стороны одинаково дѣйствовали противъ индусской бѣдноты. А между тѣмъ, та и другая, вѣроятно, сказали бы, что національные идеалы для нихъ стоятъ выше всего.

Другой остиндскій писатель очень убѣдительно доказывалъ въ своей книгѣ, что 200 лѣтъ тому назадъ, т. е. до англійскаго владычества, Индія благоденствовала больше. Одинъ англійскій писатель говорилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, что въ 1828 г. англичане брали отъ индусовъ три милл. ф. стерл. въ видѣ пенсіи офицерамъ и чиновникамъ, въ 1854 г.—5 милл., въ 1883—18½ милліоновъ. Разумѣется, эти непроизводительные налоги истощали безъ того истощенную страну.

Англичане легко утверждали свое вліяніе въ Индіи. Они чувствовали свою силу, видя слабость индусовъ отъ недостатка національнаго единства. На вопросъ—„почему вы не соберетесь съ силами и не прогоните насъ отсюда“,—индусы отвѣчали англичанамъ:—„Если бы вы ушли отъ насъ, то въ дорогѣ отъ насъ же получили бы телеграмму—вернитесь, мы безъ васъ жить не можемъ“. Народъ, подъ вѣчнымъ гнетомъ чужеземцевъ окончательно потерявшій способность къ самостоятельному развитію, конечно, ничего другого сказать не можетъ.

Англичане пользовались двумя орудіями. Или предоставляли широкую автономію, или подавляли грубой силой, въ зависимости отъ уровня политическаго сознанія той мѣстности, которую хотѣли связать съ своей имперіей. Одну и ту же имперіалистическую цѣль они преслѣдовали противорѣчивыми средствами. Сна-

чала поддерживали неограниченную власть своихъ чиновниковъ, искореняли всѣ проблески національнаго самосознанія, а потомъ, если это не удавалось, начинали проводить либеральную политику.

Такъ или иначе, въ теченіе десятилѣтій англичанамъ удалось привязать къ себѣ колоніи настолько, что если бы теперь опросили населеніе, то оно не рѣшилось бы отдѣлиться отъ Англіи.

Двойственная политика проводилась не только по національному вопросу. Религія всегда являлась также одной изъ надежныхъ точекъ опоры. Англичане пользовались при этомъ своей религіей и религіей туземцевъ. Посылали, напримѣръ, миссіонеровъ къ китайцамъ, чтобы просвѣщать ихъ въ духѣ христіанства, и въ то же время англійскіе фабриканты занимались издѣліемъ разнообразныхъ идоловъ, большихъ и маленькихъ боговъ, и посылали ихъ туда же для удовлетворенія религіозныхъ потребностей китайцевъ.

Колоніальная политика другихъ государствъ не отличалась въ смыслѣ благородства, отъ англійской. Нѣмецкіе колонисты прибѣгали къ уголовнымъ преступленіямъ для того, чтобы въ Азіи и Африкѣ найти мѣсто „подъ солнцемъ".

Для характеристики „цивилизаторской" роли французовъ достаточно привести такой фактъ. Въ 1905 г. возникъ процессъ французскихъ администраторовъ, которые за маленькую провинность взрывали негровъ динамитомъ и заставляли соплеменниковъ пить бульонъ изъ череповъ, а сами наслаждались зрѣлищемъ. Они же захватывали женщинъ и дѣтей и держали ихъ въ плѣну, пока ихъ мужья и отцы не доставляли всей наложенной на деревню натуральной повинности.

Это свидѣтельствуетъ о томъ, что чиновники были развращены своей ненужной властью. Имъ нечего было дѣлать. Они были назначены только для того, чтобы имъ платить жалованіе. Содержаніе этихъ подонковъ—чиновниковъ, не находившихъ примѣненія для своихъ силъ на родинѣ, обходилось Франціи очень дорого. Значительная часть бюджета поглощалась ими. А число этихъ безполезныхъ людей росло съ каждымъ годомъ. Чтобы кормить эту безработную армію, приходилось высасывать изъ туземнаго населенія всѣ жизненные соки.

Туземцы платили въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ въ десять и пятнадцать разъ больше, чѣмъ проживали сами. Главнымъ источникомъ дохода была водочная монополія, и поэтому было предписано всѣмъ чиновникамъ поощрять туземцевъ къ пьянству. Президентъ провинціи Сантай, насчитывающей 200 тыс. жителей, получилъ официальную благодарность и повышеніе по службѣ за то, что онъ довелъ потребленіе алкоголя до 560000 литровъ въ годъ.

Чиновники были настолько усердны, что совѣтовали туземцамъ ограничивать себя въ ѣдѣ, потреблять, напримѣръ, меньше риса, чтобы имѣть возможность покупать водку *). Такое спаиваніе населенія, конечно, ни въ какой мѣрѣ не могло способствовать росту его политическаго и національнаго самосознанія.

Мы не думаемъ останавливаться здѣсь на исторіи колоніальной политики всѣхъ странъ. Мы хотѣли только указать, что подъ видомъ культурной миссіи преслѣдовались хищническія цѣли. Никогда ни одно нападеніе, ни одна война не обходилась безъ „высокой“ словесности. А за этой словесностью всегда скрывалось грубѣйшее варварство. Буржуазія была революціонна, пока она боролась съ феодальнымъ порядкомъ, а когда сама начала править, она сдѣлалась реакціонной. Теперь она не способствуетъ развитію производительныхъ силъ, а задерживаетъ ихъ. Она выбрасываетъ народные милліоны на военныя операціи въ колоніяхъ, на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, которыя не оправдываютъ расходовъ.

П. Н. Милюковъ очень много писалъ о высокихъ цѣляхъ войны, а между тѣмъ онъ лучше всѣхъ разоблачилъ завоевательные планы всѣхъ державъ, въ частности, нашихъ „союзниковъ“. Всѣ помнятъ разоблаченія германскаго канцлера Михаэлиса. Рѣчь шла о томъ, что французскіе имперіалисты думали о присоединеніи не только Эльзаса-Лотарингіи, но и лѣваго берега Рейна. Ничего новаго въ этихъ разоблаченіяхъ не было. Прирейнскія земли были отданы Пруссіи еще въ 1815 г., на Вѣнскомъ конгрессѣ. Тогда Англія была заинтересована въ защитѣ Германіи отъ французскаго нашествія. Теперь она заинтересована въ обратномъ. Теперь англійскій премьеръ-министръ клянется, что англичане не положатъ оружія, пока Франція не будетъ достаточно защищена своими границами отъ новаго германскаго нашествія. Среди французскихъ имперіалистовъ были два теченія, такъ сказать, правое и лѣвое. Правое, т. е. умѣренные аннексіонисты говорили, что надо спросить у населенія этихъ областей, хотятъ ли они быть самостоятельными или присоединятся къ Франціи. Лѣвые рѣшительно настаивали на присоединеніи всего берега до водораздѣла, образуемаго Шварцвальдомъ, Одервальдомъ, Таунусомъ и Вестервальдомъ.

П. Н. Милюковъ въ своихъ статьяхъ указываетъ на эти два теченія и отъ себя замѣчаетъ: — „Есть, однако, соображенія, которыя побуждаютъ французовъ добиваться присоединенія, *по крайней мѣрѣ*,

*) Соврем., 911 г., 8. М. Павловичъ. Французскій имперіализмъ.

ближайшихъ частей, сосѣднихъ съ Эльзасъ-Лотарингіей и отчасти принадлежавшихъ Франціи до 1815 г.,—это богатство этихъ частей каменнымъ углемъ и желѣзомъ. Въ 60 километрахъ отъ теперешней границы, по рѣкѣ Сарръ, тянется большой каменно-угольный бассейнъ, отнятый у Франціи въ 1815 г. и равняющійся по богатству залежей всѣмъ ея другимъ бассейнамъ, вмѣстѣ взятымъ... Франціи *не хватаетъ каменнаго угля*. Ей нужно въ годъ 100 милл. тоннъ, и изъ этого числа ей приходится прикупать за границей 18—20 милл. въ годъ. Между тѣмъ въ возвращенной Лотарингіи и особенно въ бассейнѣ Сарра она можетъ получить до 25 милл. (въ томъ числѣ въ бассейнѣ Сарра 13,8 м.), что покроетъ ея годичный дефицитъ. Къ пяти милліонамъ тоннъ добываемаго ежегодно желѣза она прибавитъ въ присоединенной Лотарингіи другіе пять, почти сравняется съ Англіей, которая производитъ $10^1/_2$ милл., и будетъ соперничать съ Германіей, которая производитъ 15 милл. Такимъ образомъ,—заканчиваетъ Милюковъ,—обосновывается желаніе прирѣзать къ возвращаемой Эльзасъ-Лотарингіи и часть рейнскаго Пфальда, на югъ отъ горизонтальной линіи, соединяющей юго-восточный уголъ границы Люксембурга съ Мангеймомъ“ *).

Г. Милюковъ вскрылъ здѣсь тѣ основанія, которыя заставляютъ французовъ „кое что возвратить“ и „кое что прирѣзать“. Франціи не хватаетъ каменнаго угля; и этимъ объясняются ея „высокія“ стремленія къ самоопредѣленію національностей. Но вѣдь такія же основанія заставляютъ германскихъ имперіалистовъ защищать свою „родину“, т. е. оставить за собою Эльзасъ-Лотарингію и „кое что“ еще прирѣзать отъ французскихъ владѣній. Ей вѣдь также нуженъ каменный уголь...

Но французскіе имперіалисты, по словамъ самого Милюкова, не довольствуются частичными пріобрѣтеніями за счетъ Германіи. Часть націоналистической печати требуетъ возвращенія Германіи къ тому состоянію, въ которомъ она находилась до 1870 г., т. е. до объединенія**). Но съ этимъ не согласны многіе французскіе имперіалисты, не потому, впрочемъ, что не хотѣли бы разгрома и расчлененія Германіи. Они просто считаютъ это невозможнымъ и опаснымъ для будущаго спокойствія. Разумѣется, если бы это было возможно и безопасно, то и они присоединились бы къ націоналистической печати.

Дальше рѣчь идетъ о раздѣлѣ сферъ вліянія на Востокѣ, въ Анатоліи, Сиріи, Аравіи, Месопотаміи, Персіи, Турціи. Тутъ сталкиваютъ-

*) Ежегод. „Рѣчи“ на 1916 г., 114.

**) Тамъ же, 115—116.

ся не только интересы Англіи, Франціи и Россіи съ интересами Германіи, но и между державами согласія могутъ возникнуть серьезныя разногласія. П. Н. Милюковъ пишетъ, что „занятіе русскими войсками территоріи вилайетовъ Вана, Битлиса, Эрзерума и Трапезунда *сопровождалось, повидимому, расширеніемъ предѣловъ непосредственныхъ русскихъ претензій*“ *). Говоря проще, послѣ военныхъ успѣховъ на турецкомъ фронтѣ русскіе имперіалисты стали требовать большаго, чѣмъ до этихъ успѣховъ, и въ результатѣ намѣтилось разграниченіе интересовъ обѣихъ союзныхъ державъ (т. е. Франціи и Англіи) въ Сиріи. Французскіе писатели опредѣляли границы. Но они оставляли открытымъ вопросъ о судьбѣ сосѣдней Арменіи. У Милюкова, повидимому, возникали серьезныя сомнѣнія по поводу французскихъ притязаній, и онъ писалъ: „Физическая цѣлость армянскаго народа должна быть сохранена, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, должна быть сохранена и его національная цѣлость. *Едва-ли* эти желанія могутъ вызвать возраженія со стороны союзныхъ правительствъ, высказавшихъ въ лицѣ Асквита свое сочувствіе освобожденію малыхъ народовъ“ **).

Едва-ли, однако, скажемъ мы отъ себя, Милюковъ и его единомышленники сочувствовали освобожденію малыхъ народностей. Это видно хотя бы изъ того, какъ они разрѣшали армянскій вопросъ. Милюковъ по этому поводу говорилъ вотъ что:—„Идеальнымъ рѣшеніемъ вопроса, къ которому стремится армянская интеллигенція, было бы созданіе въ этихъ предѣлахъ автономной Арменіи. Но это рѣшеніе *встрѣчается съ интересами великихъ державъ и должно быть нѣсколько видоизмѣнено, соотвѣтственно этимъ интересамъ*“ ***).

Это очень откровенное признаніе. Полная автономія Арменіи не отвѣчаетъ интересамъ великихъ державъ, и „идеальное рѣшеніе вопроса“ должно быть поэтому „нѣсколько видоизмѣнено“. И Милюковъ видоизмѣняетъ такимъ образомъ: „Россія должна вернуть себѣ со стороны Арменіи стратегическую границу, намѣченную Санъ-Стефанскимъ договоромъ, но урѣзанную по Берлинскому договору, вслѣдствіе протеста Англіи. Сюда входили бы долины Баязета и Алашкерта и узкая полоса по рѣкѣ Тортуму и по западному берегу Чороха въ его верхнемъ теченіи. Остальная Арменія должна была бы сдѣлаться автономной провинціей *подъ*

*) Ежегодникъ „Рѣчи“, 45.

**) Тамъ же, 46.

***) Тамъ же, 43.

суверенитетомъ Россіи... Очевидно, мы могли бы дать армянамъ то, что сами предлагали дать имъ при туркахъ, можетъ быть, съ нѣкоторыми измѣненіями въ пользу центральной власти, которую *мы не можемъ считать столь же опасной для армянъ, какъ была турецкая власть*" *).

Милюковъ имѣлъ въ виду, очевидно, ту центральную власть, которая была у насъ въ 1916 г.. Армяне очень надѣялись въ началѣ войны на эту „не столь опасную власть". И послѣ обращенія къ полякамъ, къ русинамъ, народамъ Австро-Венгріи, они тоже ждали обѣщанія относительно своего будущаго освобожденія. Но этихъ обѣщаній не послѣдовало. Наоборотъ, весь міръ увидѣлъ тогда, какъ наша центральная власть исполняла свои обѣщанія въ Галиціи и Польшѣ. Народы, повѣрившіе воззваніямъ Николая Николаевича, разочаровались скоро. Польское населеніе не проявило тяготѣнія къ Россіи. И если бы Польша не была занята нѣмецкими войсками до революціи, то мы теперь наблюдали бы тамъ сепаратное движеніе еще въ большей степени, чѣмъ въ Финляндіи и на Украинѣ.

И народы Австро-Венгріи, во имя освобожденія которыхъ союзники хотятъ разгрома этой страны, тоже не проявляютъ большого желанія отдѣлиться отъ „лоскутной" монархіи. Конечно, они не чувствуютъ никакой привязанности къ австро-венгерскому монарху, но они не имѣютъ ни малѣйшаго основанія считать „не столь опасными" для себя другого монарха или другую монархію. Ни одно изъ союзныхъ государствъ не помышляло о коренномъ переустройствѣ самого себя. Англія, Франція, Россія оставляли у себя дома политическое status quo—то самое положеніе, которое было до войны. Англійскій король и французскій президентъ обмѣнивались привѣтственными телеграммами съ Николаемъ вторымъ. И въ тѣхъ „святыхъ" договорахъ, которые они заключили между собою, было условіе, по которому царское правительство могло заключить сепаратный миръ съ Германіей въ случаѣ революціи въ Россіи. Свѣдѣнія о такомъ договорѣ часто появлялись въ печати и никѣмъ не опровергались.

Несомнѣнно, свободный народъ будетъ добиваться освобожденія народовъ, но не въ такихъ рамкахъ, чтобы это соотвѣтствовало интересамъ великихъ державъ. Свободная Россія заявила бы, что надо стереть всѣ границы, раздѣляющія сферы вліянія Англіи, Франціи, Германіи, снять съ очереди вопросы о суверенитетѣ, о протекторатѣ.

*) Тамъ же, 43—44

Едва ли поэтому, скажемъ словами Милюкова, союзныя правительства высказали бы свое сочувствіе освобожденію Россіи. И мы знаемъ, что они далеко не въ восторгѣ. Тамъ въ имперіалистической печати нападаютъ на русскую революцію, на революціонную демократію, натравливаютъ на нее своихъ рабочихъ, пугаютъ ихъ россійской анархіей и этимъ очень успѣшно борются съ пробуждающимся тамъ революціоннымъ движеніемъ.

VI.

Вернемся, однако, къ цѣлямъ войны.

Французскіе имперіалисты говорятъ, что Эльзасъ-Лотарингія должна вернуться къ Франціи. Германскіе заявляютъ, что обѣ провинціи должны оставаться въ предѣлахъ Германіи. Надо замѣтить, что съ исторической точки зрѣнія обѣ стороны неправы. Эльзасъ-Лотарингія не должна принадлежать никому. Съ V столѣтія она нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки—отъ Германіи къ Франціи и обратно. Французскіе капиталисты были не очень огорчены потерей Эльзасъ-Лотарингіи въ 1871 г. Они находили это даже выгоднымъ для себя. Соображенія были чисто экономическія. Богатыя промышленныя области были опасными конкурентами для сосѣднихъ департаментовъ. И многіе очень откровенно высказывались за то, чтобы Эльзасъ-Лотарингія перешла по ту сторону границы. И впослѣдствіи, когда эти провинціи стали собственностью Германской имперіи, французскіе шовинисты не очень скорбѣли.

Верхніе слои французской буржуазіи сблизились съ торгово-промышленными классами Германіи на почвѣ одной общей политики по внѣшнимъ вопросамъ. Объ Эльзасъ-Лотарингіи даже забыли, или требовали только автономіи. Образовались франко-нѣмецкіе союзы для эксплуатаціи цѣлаго ряда областей.

Но это братаніе буржуазіи двухъ сосѣднихъ странъ продолжалось не долго. Буржуазія извлекала матеріальныя выгоды изъ шовинизма. Германскій пушечный король Круппъ платилъ французской буржуазной прессѣ за шовинистическую агитацію противъ Германіи. А въ результатѣ оттуда получалъ заказы

Шовинистическая агитація шла изъ-за Эльзасъ-Лотарингіи. Мы видѣли, что имперіалисты меньше всего заботились объ этихъ провинціяхъ. Эльзасъ лотарингцы это прекрасно понимали и вовсе не хотѣли быть ареной столкновеній между Франціей и Германіей. Они не разъ поднимали вопросъ объ этомъ, обращались къ Франціи съ просьбою прекратить травлю,

потому что они не хотятъ отдѣляться отъ Германіи цѣлой войны. Представители всѣхъ партій, отъ капиталистической до соціалистической, заявляли, что Эльзасъ-Лотарингія связана теперь съ Германіей экономическими интересами. Въ 1912 г. Эльзасъ-Лотарингскій ландстагъ единогласно принялъ резолюцію въ этомъ духѣ. Въ томъ же году состоялась конференція въ Бернѣ, на которой присутствовали представители парламентскихъ фракцій обѣихъ странъ. Обсуждался вопросъ о судьбѣ Эльзасъ-Лотарингіи. Была принята резолюція германскихъ соціалистовъ. Въ резолюціи говорилось, что они въ свое время энергично протестовали противъ присоединенія Эльзасъ Лотарингіи, а теперь они будутъ также энергично протестовать противъ насильственнаго отчужденія этихъ двухъ провинцій. Авторы резолюціи доказывали, что Эльзасъ-Лотарингія не должна принадлежать ни Франціи ни Германіи, ей должна быть предоставлена автономія на широкихъ демократическихъ началахъ. Эта резолюція была принята всѣми. Между французскими и нѣмецкими соціалистами не было по этому вопросу разногласій.

Даже въ началѣ войны не обнаруживалось разногласій. Въ Лондонѣ была конференція соціалистовъ союзныхъ странъ въ началѣ 1915 г. Тамъ вопросъ объ Эльзасъ Лотарингіи, по предложенію французскихъ соціалистовъ, былъ рѣшенъ далеко не въ имперіалистскомъ духѣ. Резолюція Лондонской конференціи гласитъ, что судьба населенія этихъ провинцій должна рѣшиться по волѣ самого населенія, послѣ предварительнаго его опроса. Французскіе имперіалисты были очень недовольны этимъ. Въ печати они нападали на соціалистовъ за такое „непатріотическое“ разрѣшеніе эльзасъ лотарингскаго вопроса.

Извѣстный французскій ученый Густавъ ле Бонъ, въ книгѣ Premieres Consequences de la Guerre (Первыя слѣдствія войны), очень энергично нападаетъ на французскихъ соціалистовъ и ставитъ имъ въ примѣръ германскихъ соціалистовъ. Густавъ ле Бонъ возмущается тѣмъ, что французскіе соціалисты стоятъ на точкѣ зрѣнія классовой борьбы, и особенно возмущается Лондонской конференціей 1915 г. Приводитъ выдержку изъ корреспонденціи одного своего соотечественника, который въ то время былъ въ Лондонѣ, присутствовалъ на конференціи. Корреспондентъ писалъ, что въ Лондонѣ соціалисты говорили объ отвѣтственности всѣхъ правительствъ за войну, что они рѣшили вести классовую борьбу, а судьбу Эльзасъ-Лотарингіи ставили въ зависимость отъ воли населенія. „Зачѣмъ поѣхали на эту конференцію соціалисты?—спрашиваетъ

корреспондентъ:—Можетъ быть, они надѣялись, что имъ удастся повліять на другихъ соціалистовъ, чтобы они не принимали такихъ рѣшеній. На своемъ ли мѣстѣ былъ М. Самба? Не слишкомъ ли преувеличивалъ онъ свое вліяніе? Подчиняясь рѣшеніямъ Лондона, онъ тѣмъ самымъ долженъ покинуть свой постъ въ Парижѣ". *)

Это писалось въ началѣ войны. Послѣ многое измѣнилось. Большинство французскихъ соціалистовъ послѣ Лондонской конференціи присоединилось къ буржуазнымъ патріотамъ. Потомъ это большинство настаивало на присоединеніи Эльзасъ-Лотарингіи безъ предварительнаго опроса населенія.

Воля французскихъ имперіалистовъ и присоединившихся къ нимъ соціалистовъ расходится съ волею эльзасъ-лотарингскаго населенія. Это мы видѣли выше.

Такое же расхожденіе мы замѣчаемъ и въ другихъ воюющихъ странахъ. Какіе національные идеалы преслѣдуетъ хотя бы Италія? Передъ своимъ выступленіемъ она торговалась и съ Австро-Германіей. А присоединилась къ тройственному согласію, потому что отъ него получила больше обѣщаній. „Національные" идеалы Италіи простирались на тѣ области, которыя нужны были ей въ стратегическомъ отношеніи, и гдѣ итальянцы составляли незначительный процентъ населенія. Эти интересы итальянской буржуазіи сталкивались съ интересами славянскихъ народовъ. Старое правительство Россіи заявило, что оно признаетъ законность притязаній Италіи „даже въ томъ случаѣ, когда они не основываются на точномъ принципѣ національности". Вмѣстѣ съ тѣмъ царское правительство высказывало пожеланіе, чтобы Италія все таки нѣсколько умѣрила свои требованія во избѣжаніе будущихъ конфликтовъ.

Итальянскіе имперіалисты заявляли по поводу этихъ пожеланій, что они „не хотѣли и никогда не захотятъ допустить преобладанія Сербіи въ Адріатическомъ морѣ" **).

Словомъ „національные" идеалы Италіи противорѣчатъ интересамъ Сербіи. И если бы даже война кончилась побѣдой этихъ военныхъ союзниковъ, то на другой же день между ними обнаружились бы острыя тренія.

Румынія также въ своихъ притязаніяхъ выходила далеко за предѣлы національнаго принципа. Имперіалисты этой страны требовали, по словамъ П. Милюкова, присоединенія Трансильваніи, Бената,

---

*) Gustave le Bon—Premieres Consequences de la Guerre, 55.

**) Милюковъ. Ежегодникъ „Рѣчи" на 1916 г., 99.

Кришаны, Мармароша, Буковины. Всего въ этихъ мѣстностяхъ 8.760.000 жителей, изъ нихъ румынъ около 4 милліоновъ *).

Остальное, не румынское населеніе имѣетъ, конечно, свои національные интересы. Но имперіалисты рѣшаютъ вопросы путемъ военной силы. Самоопредѣленіе народовъ приносится въ жертву этой силѣ.

Не лучше обстоитъ дѣло съ Константинополемъ и проливами. Этотъ вопросъ вызывалъ большія разногласія въ началѣ войны среди союзниковъ. Но борьба съ Германіей потребовала отъ нихъ напряженія всѣхъ силъ, и они нашли общій языкъ. Константинополь и проливы должны были перейти къ Россіи въ силу состоявшагося соглашенія. Въ первые дни революціи русскіе либералы, во главѣ съ Милюковымъ, не разставались съ мыслью объ этомъ пріобрѣтеніи.

И хотя они не высказывались до конца, но для всякаго, болѣе или менѣе близко знакомаго съ положеніемъ дѣлъ на Ближнемъ Востокѣ, было ясно, что присоединеніе Константинополя и проливовъ означало овладѣніе всѣми балканскими и малоазіатскими владѣніями Турціи. Безъ этого новыя пріобрѣтенія Россіи были бы въ постоянной опасности.

Такъ, во имя „національныхъ“ идеаловъ, имперіалисты естественно вели къ господству надъ маленькими народами.

Эти цѣли войны тѣсно связаны съ причинами, вызвавшими ее. Каждая страна стремилась къ расширенію насчетъ маленькихъ народовъ и только въ этихъ интересахъ объединялась съ другой страной. Союзъ націй является временнымъ, преходящимъ. Возможны новыя перегруппировки державъ, возможна острая борьба между вчерашними союзниками и дружба между вчерашними врагами.

Прочный продолжительный миръ можетъ быть построенъ не на союзѣ націй, а на союзѣ классовъ всѣхъ національностей и всѣхъ странъ. Этотъ международной классовый союзъ оказался безсильнымъ во время войны. Интернаціоналъ не могъ вмѣшаться, не могъ помѣшать возникновенію и распространенію мірового пожара. Это было одной изъ причинъ затягиванія войны. Національное единеніе оказалось сильнѣе классовой борьбы. Но послѣ войны острые внутреніе конфликты въ каждой странѣ неизбѣжны. Умершій интернаціоналъ воскреснетъ и объединенными усиліями международнаго пролетаріата разрѣшитъ тѣ вопросы, которые были поставлены передъ войной, и которыхъ не могла разрѣшить война.

*) Тамъ же, 5.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА